

Ирина Коротеева

**НА СОРОК СЕДЬМОЙ
ШИРОТЕ**

© И. Коротеева, 2023

© ООО «АКК «Энергетик», 2023

Отпечатано в ООО «Дитон», Санкт-Петербург

Читаю и радуюсь.

Строки легкие и глубокие, событийные. Интересные. Именно так — влюбляющие в себя.

За ними истории от автора, что знает вкус жизни, прежде всего. Не понаслышке. Со всеми ее перипетиями, иронией, победами и трагедиями.

Все очень зримо, проникновенно, чувственно. То, чего читатель жаждался. То, в чем мы узнаем сегодняшний день и себя в нем. Это очень важно для поэзии.

Литературоведы вскоре, видимо, напишут трактаты об этой книге весомо и по-научному, а я же только с повышенной эмоциональностью скажу:

Ирина Коротеева, искренне поздравляю!

Александр Шаганов, поэт

Цикл

Я ПРИСНЮСЬ ТЕБЕ

* * *

Переиграем. Сбросим.
Перевернем назад.
Пусть будет снова осень,
Старый забытый сад.

Яблочных нот стаккато —
Вызревших, золотых.
Знаешь, сентябрь, девятый —
Лучший для нас двоих!

Что завязалось в мае —
Падает в листвоной.
Вот уж и день растаял.
Где же ты ходишь, мой?

Жимолость шепчет тихо,
С ветром качаясь в такт:
«Ох, уже лихо, лихо,
Что разминулись так».

Ахнет далекий филин
Где-то на рубеже:
«Глупые... разрубили...
Не завязать уже...».

Вишня дрожит чуть слышно
Худшею из примет.
Как же такое вышло,
Что до тебя сто лет...?

* * *

Гулко дверь захлопнулась в прихожей,
Замер день в неприбранной пыли.
Только сквозь окно, на звон похожи,
Стоны колокольные текли.

Только в непричесанные кроны
Ветер заплетал дрожащих птах.
Бился шмель в туманном межоконье,
Таял свет в нехоженных углах.

Дверцею скрипучей тихо ахал
Жалостливый бабушкин буфет.
Старый плед, как старая собака,
Горкою свернулся на софе.

Стылый вечер стал горчей полыни,
Кончился, измученный в хворьбе.
Только ночи маетны отныне
Долгими не-снами о тебе...

* * *

А теперь-то, наверное, жизнь поглаже.
Без меня поспокойней. Поверю, что ж...
Я приснюсь тебе в пятницу, если даже
Ты не помнишь, а значит, совсем не ждешь.

Я войду, как чужая, в твои секреты,
Их так много за тысячу новых лун.
Вот поездка на Кубу минувшим летом,
Вот спортивные лыжи стоят в углу.

Золотятся романы твои на полках,
А на дальней — сигарный запас храним.
И футбольные матчи предельно долги,
И коньяк благороден, и сыт камин.

По ранжиру доспехи. Все так, как раньше:
Для великих сражений и для побед.
И скакун свежей марки — не бит, не крашен.
Он, конечно же, белый — любимый цвет.

До субботы не близко: три сна. Минута,
И уйду я по тоненькой кромке дня.
Позабыл. Позабыл ты... Но почему-то
Мне шептал этой ночью: «Моя, моя...».

* * *

Ночь отпустит — устала.
Под звездой последней
Та, которой не стало,
Надевает передник.

Перемоеет повторно
Всю посуду к обеду,
Напечет новый вторник,
Сварит свежую среду.

Пересыплет подушки,
Перестелет постели.
Настежь форточки — душно,
Ведь февраль, в самом деле.

Настежь старые рамы —
Пусть быстрее завьюжит,
Чтобы тряпкой упрямо
Подоконник утюжить.

Чтоб скорее замерзнуть,
Задохнуться, погаснуть,
Чтобы было ненужно,
Чтобы стало неясно,

Где под звонкие трубы
Он считает кварталы —
Тот, который не любит
Ту, которой не стало...

* * *

Тамара Омаровна, Карловы Вары
По вам извелись: ну, когда же приедет?
Чтоб каждую ножку и каждую ручку
Помазать, погладить, понянчить, прогреть.
Готовы давно травяные отвары,
И грязи свежайшей добыли намедни,
И в небе над парком лечебные тучи.
Ну, что же так долго, Тамара? Скорей!

Какую неделю в преддверии встречи
Сентябрь скучает, хандрит и тоскует:
То путает в ветках дождливые нити,
То греет промокших насквозь голубей.
И каждый про вас здесь малиновый вечер,
В источниках древних живительны струи,
Ни бед и ни страхов, ни слез, ни событий.
Езжайте. Спасайтесь. Скорее, скорей!

Увязнут в дороге все ваши печали,
Забудете память в кафе на клеенке,
Цветные отметки на вашей поклаже
Раскрасят дорожный безрадостный быт.
И тот, кто, к прискорбию, вам не случаен,
Кто вымучил, выжег до самой печенки,
Тихонько растает и, может быть, даже
Наверное, будет навечно забыт...

* * *

Я плела из салфеток кружево
Над салатом с зеленой рукколой.
И до льдины за миг остужено,
Мое сердце о ребра бұхало.

Фонарями лимоны желтые
Расставание нам пророчили,
И бокалы, спасеньем полные,
С нетерпеньем вставали в очередь.

Даже скатерть крахмально-хрусткая
Мне казалась прощальным парусом,
И сжимала удавкой узкою
Шею нитка с простым стеклярусом.

И сказал ты, ножом не точенным
Выводя на тарелке крестики:
«Пересолено! Ну, а впрочем-то
Мы ведь больше не сотрапезники...».

* * *

Снова год завершил свой безжалостный круг,
Фонари за окном режут липкую тьму.
Ну, а сердце в загоне из реберных дуг
Непривычно стучится на волю. К нему...

Но глупей для нее не придумать затей,
Чем о счастье мечтать под пушистой сосной:
Сколько ни было в жизни ее декабрей —
В январях все равно просыпалось одной.

Декабри, декабри за плечами встают,
Им она потеряла и веру, и счет.
И шампанское скисло в изысканный брют,
И по имени больше никто не зовет.

Только что же теперь ей? Хоть плачь, хоть кричи:
Через столько бездарно растроченных лун
Долгожданной луною в январской ночи —
Монитор, как икона в почетном углу.

Зря накликала кликами эту беду.
Вот и дышит теперь через раз, через раз...
Тот, надежно забытый в далеком году,
Бьется в память ее километрами фраз.

Он вплетается с нею в инетовский сюр,
Где слова через час превращаются в сор,
Где на тысячи умников — тысячи дур,
Где меж дурней и умниц — отчаянный спор.

И от жалости тая, безлунная ночь
Укачает ее до встающей зари.
Чтоб приснились, как ей намечтались, точь-в-точь,
Декабри, декабри, декабри, декабри...

Ева

Как-то внезапно вдруг захотелось
Терпкого яблока выпить смелость.
Знать, что ты чувствуешь это тоже:
Брызнувший сок на уставшей коже.

Этим нектаром святым умывшись,
За руки взявшись и не разбившись,
Падать и снова взлетать над миром,
Встретить рассвет небывалым пиром.

Под величавой лазурной аркой
Яблочным день открывать подарком.
И, наслаждаясь твореньем дивным,
Солнце приветствовать звонким гимном!

Лучше и нету, секрет открою,
Яблока, съеденного с тобою...

* * *

Отныне жизнь ее проста:
Петь одиночеству осанны,
В халате красного лавсана
Пить горечь чайного листа.

Сдружиться с комнатным плющом,
Вступая в тягостные споры
До восхождения Авроры,
Быть в них судьей и палачом.

Что дни ее не так плохи
Вещать назойливым знакомым
И плакать на скамье у дома,
Писать мудреные стихи.

Искать его на дне зеркал.
Вступить — шампанским, кончить — бражкой.
Смеяться звонко над бедняжкой,
Разбив беспомощный бокал.

И оппозицию плющу
Составить веткою сирени.
Под впечатленьем бурных прений
Шептать все тише: «Не прощу»...

* * *

Из города далекого на Волге
К тебе с приветом храбрый писарчук.
Не будь сегодня строгим к новоселке,
Ведь проводы, конечно, были б долги,
А это мне совсем не по плечу.

Здесь — хорошо. Почти что так, как дома:
Малинов цвет у окон на восход.
Наверно, всем — чужим и незнакомым
Такие распрекрасные хоромы
Начальство городское выдает.

Но день на день... Сегодня вот заплакан.
Да что и взять — осенние дела.
Смеялась вслед мне мокрая собака,
И ворон иронично с ветки каркал,
Когда к причалу я под ливнем шла.

Мне думалось: напьюсь, уеду, брошу,
Как кое-кто из мне известных дур.
И станет мир понятным и хорошим,
Со светлым завтра, лучезарным прошлым
И без геометрических фигур.

Где не дрожит отчаянно-опасно
По времени ослабшая чека.
Теперь — пора. Уже и звезды гаснут.
С красивым новым добрым утром, ясный!
Я больше не приеду, тчк.

* * *

Наверно, где-то есть тепло и море,
Там ночи ананасово-ликерны.
Но я и ты, слабеющий к Авроре,
Рука об руку входим в серый вторник.

Ночь прирастет, прихватится, застынет
И за спиною встанет монолитом,
И в лужах грязных, смешана с бензином,
Тоска моя зеленая разлита.

Второй от воскресенья обживаю,
Устало бьюсь в отчеты и в котлеты.
Я — добрая, но только очень злая,
Иду, иду к несбыточному лету.

И день, растянут, прохудится к ночи —
Затеет морось долгую беседу.
И ты войдешь, по-джентльменски точен,
В девятый сон от полночи — на среду.

* * *

На Второй Краснодарской идут бои,
Побежденный — без ужина и на рею.
Расчехляю обиды, а он — свои.
Бьют соседи кастрюлями в батарее.

Как положено: насмерть и в плен не брать,
До последней просыпанной в память крошки.
И седая свекровка — общая мать
От греха прячет внуков и даже кошку.

Телевизор нейтрален — какой уж час
Флегматично транслирует ночь в пустыне.
Ведь с него пыль стирает один из нас,
А другой, хоть и редко, но все же чинит.

Тополь рвется на помощь, стучит в окно,
Улыбается месяц и строит рожки.
Оппонент загрустил, ну, а мне смешно!
Что там мне — даже маминой рыжей кошке.

Да ведь в мире весна-то уже, поди.
Воробьи гомонят и поют капли.
На Второй Краснодарской снега, дожди,
Переменная облачность и метели.

Пол усыпан словами, полит борщом,
А котлеты от стресса вообще протухли.
Хорошо-то как, Господи, хорошо
На Второй Краснодарской, на этой кухне.

Цикл

НА ВЕТРУ ЗНАМЕНА ЗАПОЛОЩУТСЯ

* * *

Расставанье белоснежным вышито...
В январе, растроченном на треть,
Намечтал вокзал — студенкой крышею
В облака пушистые взлететь.

Но зайдетса ливенка* бывалая,
И толпа негромко загудит,
И медаль на солнце искрой алою
С командирской полыхнет груди.

Однорядка запоеет про лучшее,
Загрустит, заплачет о своем,
И про то, что сердце в узел скручено
У того, кто покидает дом.

Что былое — выбрано до доньшка,
А назавтра — грозная пурга.
Но достало вдоволь нынче солнышка
Для того, кому идти в снега.

И нестройно двинутся по склизкому
За гармонью звонкой земляки,
И, неловко рая небо низкое,
Новобранцев вздыбятся штыки.

Вдруг голубка, вдрызг заледенелая,
От своих отставшая давно,
Закричит, как больно рвется целое,
Что единым быть предрешено.

* Разновидность однорядной русской гармоники, названа по месту изготовления в городе Ливны бывшей Орловской губернии.

Затоскует о судьбине выпавшей,
Не щадившей ни на миг пока,
Что давно сквозь птичий гомон слышится
Незабытый клекот голубка.

И что дни — веригами пудовыми,
И что ночи — горькая беда,
Что разлука тяжелей тяжелого
Для того, кто верен навсегда.

На ветру знамена заполощутся,
Голубица стихнет и, светла,
Закружит над снежно-белой площадью,
Распахнувши белые крыла.

Тане Савичевой

«...Мама, посмотри какое солнце!
Видишь, оно падает в Неву.
Если мне спасать его придется,
Я тебя на помощь позову!

Правда, что оно сейчас похоже
На большой, румяный, вкусный блин?
И на леденец немного тоже,
Жалко только, что всего один.

Вот бы шоколадную конфету
И хрустящей булки с молоком,
Чтоб быстрее наступило лето
И чтоб наш не разбомбили дом...»

Голос рвался раненою птицей,
Бился в крест бумажный на окне,
И смотрели с фотографий лица
Молодых, подаренных войне.

Под худым протертым одеялом,
Посильней зажмуривши глаза,
Девочка в отчаянье шептала.
Бушевала за окном гроза.

Сквозь печалью залитые стекла,
Разрывая цепь голодных дней,
Первый луч — беспомощный и блеклый
Проскользнул. Из призрачных теней

Выступили обреченной горкой
У буржуйки старенькой тома.
И казалось, что под шепот горький
Уползала навсегда зима.

Сколько же забрать она успела,
Бросить в топку алчную — в войну!
Девочка, слабеющая, села,
Протянула руку. Тишину

Только сердце, как набат, взрывало,
Сердце, не изведавшее грез.
Девочка беззвучно закричала,
А потом заплакала без слез.

И писала, плохо понимая,
Тонкою, дрожащею рукой:
«Мамы нет... тринадцатое мая...»
И, помедлив: «Год сорок второй...».

Беззащитные страницы рая,
Вывела на красной полосе:
«Из живых осталась одна Таня».
И еще... Что умерли-то все...

Май другой, победой трудной пьяный,
Встретил долгожданную весну.
И народ, немислимо упрямый,
Выиграл великую войну!

И опять весна! И скольких в мире
Танями девчонок назовут!
Только вот в большой своей квартире
Савичевы больше не живут.

Не забудь меня!

Не летящий снаряд — звезда,
И не пули — пчелиный рой.
Я совсем еще молода,
Ты пока что еще живой.

Белоснежных акаций дым,
Лишь роса — не кровавый пот:
Был счастливым для нас таким
Сорок первый далекий год.

Закипал на жердѣлах* цвет,
И рвалась из земли трава.
Вижу я через столько лет,
Как ты молод, а я жива.

Через тысячи тысяч лун,
Через сотни веков, эпох,
Сорок первый со мной июнь:
Перекресток людских дорог.

Мы вгрызались в земную твердь,
Мы держались, чтоб не сойти.
Чтоб не выжить, не уцелеть,
Чтоб собою закрыть, спасти.

И по нашей с тобой судьбе,
То — на солнце, а то — в снега:
Мне — Майданек, ну, а тебе
Стала Курской петлей дуга.

Ты светил мне с небес звездой,
Провожая в последний путь.
Я кричала тебе: «Родной,
Не забудь меня, не забудь!»

Я ищу тебя третью жизнь,
Не устану тебя искать.
В той — сраженья и рубежи,
А в других без тебя тоска...

* Жердѣла — плодородное дерево, разновидность абрикоса. Возможно различное написание и произношение слова в зависимости от особенностей местного диалекта.

* * *

Все кончилось. Закончилась война.
Ты выжил. Победил, что очень важно.
Давил и тех, кто пыжился отважно,
И тех, кто низко голову склонял.

И в честь тебя пурпурны небеса.
Деревья обреченно горбят плечи.
Впечаталось в кору уже навечно
Все то, что ты сегодня им сказал.

Теперь пусты убежища врагов,
Примкнувших и сочувствующих тоже.
Был этот день не зря тобою прожит:
Ни умных больше нет, ни дураков.

И жалкий мир, как брошенный щенок,
Скулит дверями вымерших подъездов,
И нет на проводах вороньих съездов:
Ты победил! Ты сделал все, что смог.

Все, что боролось, — обратилось в прах,
Просыпалось на землю белым мелом.
А ты стоишь и плачешь, как дурак,
Невидимый, как белое на белом...

* * *

Он умер. И только большая трава
Щумела и пела, свежа и жива,
И правом, ей данным разумным Творцом,
Смыкалась над павшим прощальным венцом.

Он умер. А солнце входило в зенит
И свет проливало, что землю хранит,
И мир целовало в головки цветов,
Решительно сбросив туманный покров.

В цветочных кувшинах купались шмели,
И теплые струи по стеблям текли.
И в знак урожайных грядущих побед
Земля выпивала живительный свет.

Он думал, что умер. Он знал, что ушел.
И было уже где-то там хорошо.
Без страха и боли, без слез, без потерь,
Он верил, что станет свободен теперь.

Но что-то мешало... Возможно, трава,
Кричавшая очень бестактно: «Жива!»
А может быть, птица с зеленым хвостом,
Что вдруг над страдальцем зависла крестом.

Он вспомнил, что любит малину и мед,
Что кто-то в него очень верит и ждет.
И как же теперь без него соловьи...
Высокое небо качнулось: «Живи!»

* * *

Он полз ужом. Он страх цедил из луж.
Грыз горький ужас с жухлою травюю.
А сзади восемь преданных им душ
Взмывали ввысь из жаркой топки боя.

По красным листьям, брызнувшем с осин,
По каплям слез, пролитым небесами,
Он полз и полз. Он был теперь один.
Предав друзей. Врагам оставив знамя.

Непринятый брезгливо наверху,
Он выжил. Жил. Пил по субботам водку.
Ел в будни щи, по праздникам — уху,
На майские с соседями драл глотку.

Смотрел вперед, не пятился назад,
Рубил с плеча широким щедрым махом.
И все-таки сбежал под образа,
Когда уже не смог дышать от страха...

Родина

Как же к тебе из чужбины перелететь
Через широкие реки, большие горы?
Мы ль не зерно твое, вызревшее на треть,
В землю холодную выброшенное скоро?

Встали гранитом, а больше — густой травой,
Острыми перьями крепко держась за грозы.
Нам ли достанет положенный нам покой,
Если с тобою навеки теперь мы розны?

Все бы неплохо — в достатке большой воды,
Повеселее ветра и тепло погуще,
Славят пичуги рассветы на все лады —
Павшим за правду по праву Господни кущи.

Только ведь где-то медовый желтеет спас,
По январю рождество кружевной каймою...
Не забывай о далеких забытых нас,
Если мы даже и стали чужой травюю.

Журавлиное

Под животами кучевых,
Над оцетинившейся хвоей
Сереброкрылые волхвы
Несли покой на поле боя.

Нещадно стеганы огнем,
Деревья серые дымили,
И день стекал за окоем,
Расплавлен в адовом горниле.

Горел израненный закат,
И тучи лопались от жара,
И ослепительный разряд
Стократно небо умножало.

Молитвами небесных струй
Восстанет ночь, сильнее и чище.
И тьма потянется к утру
На крик далекий, горький, птичий.

* * *

На серый креп измученного неба,
На скатерть нив, не нарожавших хлеба,
Не выйдет, не освятит, не прольет
Ни капли жизни гордое светило.
Сюда оно дорогу позабыло,
Его уже давно никто не ждет.

Глумится здесь костлявая с косою
И пеплом, как прохладною росую,
Засыплет перья пожелтевших трав.
И вырежет карающую дланью,
Глуха к мольбам, безжалостна к стенаньям,
Тех, кто был прав, и тех, кто был неправ.

Над ними воеет одинокий ветер,
Круша в труху беспомощные плети
Почивших не по времени раки.
И с тонких веток сторбленных березок
Срывает пыль, как высохшие слезы,
И вырваться из страшных мест спешит.

Но, черным подивившись сновиденьям,
Светило, задержавшись на мгновенье,
Закатит на рассвете щедрый пир.
И острый запах хлеба молодого,
Тобою тихо сказанное слово
Вернут мне этот неразумный мир...

Родион

Тают в небе по сроку звезды,
А под небом, без дум и снов,
Получив долгожданный роздых,
Вечным сном спит корнет Белов.

Вместе с ним горсть родной землицы
Из ромашковых дальних мест,
Да в истлевшей давно тряпице
Потускневший нательный крест.

Зимы кутают в саван мрамор,
А туманы плетут вуаль.
Назвала Родионом мама —
Свою гордость, свою печаль...

Он — последняя ветвь на древе,
Внук, достойный своих дедов,
Бился в кровь за душистый клевер,
За весну молодых садов,

За рассветы над отчим домом,
За Россию и за царя...
Только жизнь покатилаась комом,
Получилось, что все зазря.

И осталось: на ужин стопка,
Пустота эмигрантских лет.
Из знакомого — только водка,
Из чужого — весь белый свет.

Женевьевы Святой обитель.
Укрывают снега погост,
Вьюги вьют ледяные нити,
Бродят тени с крестами в рост.

Там под небом, как будто курским,
Чад лампад да укор икон.
Крепко спит там не бывший русский,
Спит без Родины Родион.

* * *

Иссякли реки, высохли колодцы,
Полны озера не прохладой — пылью,
Вода ключом в источниках не бьется,
Деревья к небу тянутся бессильно.

В багровых бликах виделось мальчишке:
Сжигает солнце белую пустыню.
И было страшно, было больно слишком
В горячей хате посреди Хатыни.

Толпы безумной малою частичкой
Он бился в бревна, пальцы обдирая,
Стучало сердце птичкой-невеличкой,
О будущем не ведая, не зная.

«Ведь ты все можешь, Боже Всевеликий!
Будь милосерден и останься с нами!»
Но равнодушно пожирало крики
Безжалостное, яростное пламя.

Пытаясь сбросить жаркую солому,
Стонали изувеченные стены,
На плечи саван плачущему дому
Набрасывало небо постепенно.

Но вдруг среди обуглившихся балок
Мальчонка щуплый в полный рост поднялся.
Был обожжен и ранен, но не жалок:
В лицо он палачам своим смеялся!

Взметнулась обгорелая рубаха
От ветра, словно ангельские крылья,

И затряслись каратели от страха,
Все больше свирепея от бессилья.

Под беспощадной очередью хлесткой
Мальчишка пал, захлебываясь кровью,
И виделись в последний миг березки,
Склонившиеся тихо к изголовью.

И адовым очищены горнилом,
Освободившись от земных страданий,
Сто сорок девять душ прощались с миром,
Великодушно этот мир прощая.

А сто пятидесятой срок не вышел —
Старик очнулся возле пепелища
И, ничего не видя и не слыша,
Пополз к своим на скорбное кострище.

И на холодном призрачном рассвете
Средь груды тел, растерзанных войною,
Нашел сынка — висели ручки-плети.
Отец упал тяжелой головою...

И, груз бесценный на руки поднявши,
Побрел, шатаясь, над ребенком воя.
Один живой среди безвинно павших,
Седой отец убитого героя.

Светлы весной рассветы над Хатынью.
И колокольный звон — слезой Господней.
Пред павшими, под бесконечной синью,
Колени преклоняю я сегодня...

Цикл
ВЕТХИЙ ДЕНЬ

* * *

Первоцветень* к исходу. Четверг на полдня растрочен.
Переулки нарядно укрылись зеленой прошвой.
На бульваре, под «Пушкиным», старый белесый мальчик
Сибаритствует — веером сыплет сухие крошки.

Сизари-пушкинисты, покинув родные плечи,
Снизойдут до земного — оно никому не чуждо,
Накляются в запас на холодный апрельский вечер,
Запивая удачу из чистой вчерашней лужи.

Восхитится кормилец: да разве же хлеба жалко?
Зашуршит суетливо в дырявом большом пакете.
И за стаей взлетит, позабыв на скамейке палку,
Зацепившись неловко плечами за легкий ветер.

* Первоцветень — апрель.

* * *

Весна. Скамейка. Незнакомый двор.
Ты здесь один. Читаешь приговор.
И буквы обнимают шею ловко
И не спеша сплетаются в веревку.
И этот май — последний твой приют.
А грозное облако предтечей
Обронит слезы вдруг тебе на плечи,
И старый дом с некрашеной трубой
Нависнет обелиском над тобой.

И вот уже ты на столе распят.
Вся в белом от макушки и до пят
Склонится над тобою докторица.
И ты уснешь, и будут тебе сниться
И мама, и норвежская сестра,
Что вышла замуж в девяносто пятом.
Ты ездил к ней счастливым, неженатым.
А после на могилку каждый год.
Она тебя и в этом тоже ждет.

В Господних куцах без тебя никак.
Ну, что же ты, медлительный дурак,
Застыл в неловкой позе у каталки?
Лежащего на ней себя так жалко...
Но посмотри: открытое окно!
Там, высоко, твои сестра и мама,
И пес со странной кличкой Йокогама.
Лети туда, на тысячи свечей!
Там ждут тебя! Ты здесь давно ничей.

Рванешься ты повыше в облака.
Ты полетишь. Но крепкая рука
Тебе и наказаньем, и паденьем,
Надеждою, наградою, спасеньем.
И свят и светел пред тобою лик.
И вспомнишь ты, что ангелы крылаты —
Скрывают крылья белые халаты.
Колпак крахмальный — нимб над головой.
С тобой они, и ты живой, живой...

* * *

Ну, а если вот так: к нам нагрянет сегодня весна.
Неприменно сейчас, средь осенней безрадостной хмари.
От волненья румянясь, а может быть, даже от сна,
Засмеется: «Ну что, удивила? Забыли? Не ждали?»

И прольется на хляби вселенские солнечный сок.
Жизнь начнется другая — не будет в ней места покою.
И земля отогреется, каждый смакуя глоток,
И сухие кусты закипят молодою листвою.

Время, солнцу послушно, назад закружит колесом,
Мир опять расцветет и любовью повяжет, стреножит.
И красивая — я, с ослепительным майским лицом,
Пусть всего на немного, но все же моложе, моложе...

Там и лето наступит. Конечно же, лето придет!
И со всем, что положено: с морем, с черешней, с грачами.
И сошедший с ума, обалдевший от счастья народ,
Будет делать подобных себе, и не только ночами.

Пусть всего понемногу нам выпадет: луж и тепла.
После дальней дороги пусть ждут нас свои палестины.
Переделаю набело все, что тогда не смогла:
И случатся стихи, и возможно, что даже картины.

Я не буду бояться теперь ни потерь, ни угроз,
Что на деле окажутся просто далекой грозой.
Это лето запомнится мне перламутром стрекоз,
Только пусть не войною, пожалуйста, пусть не войною...

О чем мечтают дети

«От вас, дармоедов, какой государству прок?
Лишние нервы, да грязные вечно простыни!»
Нянька седая, железный задев горшок,
Щедро укрыла лужу матерной россыпью.

«Просто закрой глаза, и она уйдет!
Чуть потерпи, и станет совсем не страшно!» —
В отчаянном плаче подковой кривился рот,
Капали слюни на тоненькую рубашку.

Кашей засохшей царапались рукава,
Черные тени казались ему чудовищами.
От боли горела и плавилась голова.
«На! Забирай, уродец, свое сокровище!

Эй! Чего замолчал? Да ты, вроде, спишь?» —
Старая ведьма словами секла безжалостно.
Вцепившийся в грязного мишку горбатый малыш
Тихо шептал молитвою: «Мама, пожалуйста!

Можешь скорее отсюда меня забрать?
Я ведь уже большой и совсем не в тягость.
Стану я меньше есть, и тебе помогать.
Я — не убогий! Не дармодед! Не гадость!

И покажу я тебе, как могу ходить —
Вовсе без костылей и почти без палочки!
Мама! Ты знаешь, как стану тебя любить?
Буду я самым послушным на свете, мамочка!

Мне не нужны ни игрушки, ни шоколад.
Не попрошу конфет, пирожков со сливами.
Может быть, только клубнику и виноград,
Видел я их на картинке, они красивые...».

Дом инвалидов — обсыпавшийся изгой,
Слушал привычно стенания темных комнат.
Мечталось ходячим быстрее сбежать домой,
К мамам любимым, которые их не помнят...

* * *

...А через строчку точно будет так:
Сначала очень громко, после — мутно.
И вот уже, одетый в лучший фрак,
Ты в облаке устроился уютно.

По статусу нектару до краев
Плеснет тебе кто все-таки повыше,
И будет вечность целую готов
Тихонько слушать и, конечно, слышать.

Как там, внизу, сквозь толщу кучевых,
Ты был ему, пожалуй, что собратом,
Иконою живую для живых
Единогласно выбранный когда-то.

И через атмосферные слои,
Хоть это удивительно и странно,
Сияют ослепительно твои
Святые лики с голубых экранов.

Расскажешь откровенно в этот час —
Когда еще такое может стать, —
Как бил порой безжалостно Пегас
Копытом беззащитного паяца.

Про все, что гениально схоронил
Под маскою смеющегося мима,
Про женщину, которую любил,
Но разменял на сотню нелюбимых.

Теперь и ты ей двадцать пятый кадр.
И ты, конечно, можешь быть покоен.
Но почему же горек так нектар,
Тебе налитый щедрою рукою?

И станет тяжело и горячо,
Вдруг полыхнет на облаке соседнем,
А собеседник тронет за плечо
И лист назад перевернет последний...

Прабабушке

Разменяет слезы на слова
И прольет на тонкие страницы,
И от строк взметнутся в небо птицы,
На прощанье покружив едва.

Провожая их в далекий путь,
Простоит она у пыльной рамы:
Героине небывалой драмы
До рассвета нынче не уснуть.

Ну, а утром маменькин пирог,
Из арабской чашки кофий сладкий.
Да еще, пожалуй, шоколадки
Подведут любви ее итог.

И ее десятая весна —
Лучшее спасительное средство.
Беспощадно перемелет детство
Через год гражданская война.

И судьба, безжалостная к ней,
Приведет к крестам, стоящим вместе,
Но убережет нательный крестик,
Сохраненный до седых корней.

Будет так когда-то. А пока...
Сквозь года картиной я люблюсь:
Пишет ночью девочка, волнуясь,
Высунувши кончик языка.

Именины

Октябрь. Восьмое. Краснеют осины,
Стучится в калитку простуженный ветер.
У Веры Смирновой в четверг именины.
Ох, как же нехстати ей праздники эти!

Управиться нужно до снежного пуха:
Того и гляди — занесет огороды.
Не балует яйцами больше пеструха:
Ей две пятилетки — немалые годы.

Окошки отмыть до зеркального блеска
Для Веры Петровны, конечно, задача.
Вот был бы сынок — помогла бы невестка,
Да только господь все управил иначе...

Работы хватает: почистить дорожки,
Проверить запасы капусты и лука,
Свекóлки, морквѣ и любимой картошки.
Хотя едоков — кура, кот, да старуха.

И скоро продрогнет по этой погоде
Ветшающий дом без хозяйского глаза.
Хозяин-то помер в Покров в прошлом годе.
Вот так: именины и по́мины сразу.

И вечер вплетая в худую косицу,
Тихонько заплачет она под иконой.
И к мужу у боженки будет проситься,
Припав к образам головою склоненной...

* * *

Раскроен день, и выкройки просты:
Проспать и окончательно простыть
На «долгой» остановке у дороги.
Свести баланс и подвести итог,
Вязать меж делом по-хозяйски впрок
В слова — неподдающиеся слоги.

И в срок покинув свой рабочий дом,
Нести скорей в родимое гнездо
Казалось бы, талантливейший изыск.
И резать бесконечную морковь,
И рифмовать с морковкою любовь,
И сетовать, что муза так капризна.

Слова — туги, и новый день далек,
И горек чай, и горсть разбитых строк
Просыплется с натруженной страницы.
Бумагу ранит острое стило,
И руку за «границу» повело,
И грань тонка меж «снится» и «не снится».

Истошно чайник прокричит зарю,
И день взойдет, как дань календарю,
Пробьется сквозь тяжелые портьеры.
Под потолком высокая строка,
Прозрачна, невесома и тонка,
На миг замрет в преддверии премьеры...

*Елене Мухиной,
абсолютной чемпионке мира по гимнастике*

Баю-бай, моя голубка,
Поскорее засыпай.
Над тобою небо хрупко,
Скоро треснет, как скорлупка.
Ну, а там, должно быть, рай.

Лена, Леночка-бояка,
Пусть тебе приснится сон:
Как сумеешь после фляка*
Ты струной, а не корягой,
Приземлиться в поролон.

Баю-бай, тебе не спится —
Трудный выдался денек.
Вязнут слезы на ресницах —
Руки-плети, ноги-спицы,
Да пудовый потолок,

Да вонючая простынка,
Да промокшее белье...
Тает, тает словно льдинка
Под февральскую сурдинку
Сердце бедное твое.

А была ты крепче стали:
Для таких медали льют.
Только думала едва ли,
Что из ленты для медали
Жизнь сплетет тебе петлю.

* Фляк — акробатический элемент.

Помнишь звания и кубки,
Флаг, взлетавший над тобой?
Отдохни, моя голубка,
Хоть часок, хотя б минутку.
Спи, мой маленький герой...

* * *

...И ночь прозрачная светла,
И утро призрачное тонко.
Проснувшись, к окнам льнет ветла,
И липнет древняя клеенка —
Щербатой чашки старый друг.
Под чай пустой — одно из двух:

Длить горечь чайного листа
Под исхудавшим одеялом,
Назад года свои листать,
Дойти до точки за началом,
Свой недожитый малость век
В дрожащей подержать руке.

Иль в день, что все-таки пророс,
От мерзлой спальни — до столовой,
Кляня безжалостный склероз,
Идти опять дорогой новой,
Роняя по пути слова.
Увидеть, не упав едва,

То, чем когда-то жил и жив,
То, что держало и лечило:
Томов бесценных стеллажи,
И слабость, и любовь, и сила,
Соль прадедов, суть праотцов —
Труды великих мертвецов.

Начать считать по «корешкам»
И снова сбиться на девятом,
От счастья млея, не спеша,
Читать, что читано когда-то.
Тихонько отойти ко сну
И ветхий день перелистнуть...

Кормилица

Ветхой шалью годы на плечи,
Дни пудовые — да тоньше волоса.
Ей бы кашу проливать с печи
Иль под солнцем млеть зрелым колосом.

Ей бы пить кефир вдоволь сладенький,
Да чтоб косточки — да на подушечку,
А она в тулупе драном и в валенках
Тащит на базар моркву, зеленушечку.

Руки, рученьки, вены синие...
По вискам тоска молоточками:
«Ведь была-то я раньше сильною,
Деток рóстила — сына с дочкою.

Дом плескался наш полной чашею,
Мужу я была справной женушкой.
Что же стало-то с жизнью нашею?
Да за что ж нас так, да об доньшко?

В дальнем годе, в редкий паводок
Муж утоп, а я, бестолковая,
Познавала науку, сколько наволок*
Может за ночь сгрызть баба вдовая.

* Наволока — наволочка.

А за ним отправился вслед и сыночка —
В Черной Были стгорел яркой свечкою.
И теперь одна у меня кровиночка:
Дочка — досточка поперечная.

Горе горькое, счастье талое.
Дал господь ее в наказание.
Непутевая, неудалая.
Знала б, будет так, я заранее —

От рассвета до поздней ноченьки
На пороге лежала камешком.
Может быть, посмотрела б доченька?
Может быть, пожалела мамушку?

И от первой хмелящей чарочки
Отказалась бы ради матери.
Каждый год по внучку в подарочек,
Стал бы дом самобранкой-скатертью!

Руки, рученьки, вены синие.
Вены синие, скулы битые.
Ведь была молодой, красивую,
А теперь, что петлей обвитая.

Мне бы с мужем пора увидеться,
Да с сыночком на райской лавочке...».
И, вздохнув, побрела, кормилица,
Схоронив рубли под булавочку.

Лабораторное

Белели стены и болели
За всех, стоящих вдоль портала,
За всех, оставивших кровати,
Сюда пришедших в полутьме
Успеть без долгой канители
Телепортироваться малым —
Своей частицею на вате
И каплей в банке на окне

Туда, где долгие походы
Ведут в любимые начала,
Туда, где горькие пилюли
Привычно запивать вином,
Где днем дотла сжигают годы,
А после мирятся ночами,
Где бесконечные июли
Листает щедрый метроном.

И будут новые колодцы
Там, где зияющие ямы.
Животворящие купели
Зальет небесная вода.
А от ржавеющего солнца
Под беспощадными дождями
Желтели стены и жалели
Пришедших на заре сюда...

Марине Цветаевой

Сегодня ты зайдешь в остывший дом
И сбросишь день у зеркала в прихожей.
Посмотришься: оно к тебе все строже,
И ты одна и в том, и в том, и в том
Старинном у распахнутой кровати.
Запросишь у стекла пощады: «Хватит!»
Занает где-то слева под ребром.

И будет вечер горек и не прав,
А в окна месяц, что совсем не нужен.
Но здесь покой. Ты в панцире из кружев,
Сплетенных словно б из засохших трав,
Спасенье пьешь из тонкого фужера,
И не с тобой сейчас надежда, вера:
Вино! Вино вкусней других отрав.

Засветится знакомая звезда,
Опустится на край соседской крыши.
Ты обо всем подробно ей напишешь:
Что щедр Господь, что все тебе отдал.
Ты тратила, а может быть, теряла.
Тебе конец, увы. Другим — начало.
Что плакать? Слезы — слезы лишь вода.

Что раз лукавишь и сейчас гресишь.
Что жизнь твоя лишь пепел на кострище.
Тебе откажут в милости, как нищей,
По-русски выпить на помин души.
Ах, как вино в бокал красиво льется...
Звезда твоя юродствует, смеется.

Остановись, Марина! Не спеши...

* * *

...Процарапывал небо — смотрел на нее сквозь звезды.
Опускался пониже, луну пеленая в тучи.
В тополях у подъезда тихонько укачивал гнезда:
«Пусть поспит — не шумите!» И даже на всякий случай

На излете июньской удушливой черной ночи
Он плотнее зашторивал окна к рассвету ливнем.
И когда уже больше терпеть не хватало мочи —
То, легонько касаясь ее, замирал, счастливый.

Он решил ей присниться на пятницу. Курам на смех...
Но он все же надумал: на среду присниться снова.
Только нынешним сонникам можно ли верить разве?
Все сюрпризы да хлопоты, лишь про него ни слова.

Вместе с нею петлял по июлю в широтах южных,
Переплыл через август он с нею легко и лихо.
И хотел стать пока не любимым, хотя бы нужным:
Вместе с нею молчал, вместе с нею грустил он тихо.

И под топот осенних дождей по железной кровле
Намечтал он себе целый мир из тепла и света:
Чтобы в доме уютно, и чтоб у кровати коврик,
Чтобы санки зимой и, конечно, Анапа — летом.

...Перезревшее, падало солнце за край округи,
И отчаянно ветер держался как мог за кроны,
И в окошко больничное бились на свет пичуги:
«Нерожденный, не плачь! Нерожденный, не плачь!
Нерожденный...».

Цикл
КРАЕВЕДЕНИЕ

* * *

Вьюговей — не прокричать.
Дом продрогший, ставни хлипки,
Над чадунюшкой в зыбке
Таёт сердце в три ручья.

Поседевший кружевник
Вяжет белую дорогу.
Потихоньку, понемногу
Вечер вымерз и затих.

Над хатенкой — желтый круг.
Звезды падают неслышно,
Шелестят за печкой мыши,
Ходики спешат к утру.

Домовой на чердаке,
Печево под полотенцем.
Спит расхристанный младенец,
Держит звездочку в руке...

Голубица

...Незаметно опустился вечер.
Солнце закатилось в дальний лог.
До утра метелица залечит
Шрамы измученных дорог.

Зарастут пушистым снегом вицы*,
Окна, деревянное крыльцо.
А у колыбели молодлица
С поздней зорьки нянчится с мальцом.

Тяжелеют груди под нательной,
Мало сил в натруженной руке.
Шелестящей тихо колыбельной
Вторит гул сраженья вдалеке.

В колготенье** долгом страх неведом —
Слушать хлопотунье недосуг,
Как куют нелегкую победу
Храбрые за правду, среди вьюг.

Бесконечно, ветхою тряпицей
Кутает холодного птенца
Ставшая безумной голубица
С нимбом из тернового венца.

* Вицы — ветки.

** Измененное от «колготня» — суета, беспокойство, хлопоты.

И в светильне тонкая лучина
Выдохнется, выгорев дотла.
В темноту сурово, триединый,
Смотрит бог из красного угла.

Леденеет тюря*** в старой крынке.
Солнце загорится за мостом.
И сверкают белые снежинки,
Падая на уцелевший дом...

*** Тюря — хлебная окрошка.

Ты думаешь: «Зеленая река...»,
И вот твоя прозрачная рука
Хватает за хребты крутые волны,
И раколовки ершиками полны,
И берега осокою остры.
Закусывая солнечной галетой,
Ты без остатка выпиваешь лето.
А если через луг наперерез —
Полны дубы и сосны до небес.

Дубы полны и сосны до небес:
Заступник твой, твоя обитель — лес.
И ты пойдешь сквозь ельник на осины,
Подумаешь: «Как, господи, красиво!»
И кто-то с тонкой ветки подтвердит,
Что лучший день: настоящий, осенний.
Октябрь — твой приют, твое спасенье.
И тихо, и покойно на душе,
Что все твое — оплачено уже.

Твое давно оплачено уже.
Закутавшись в пушистое кашне,
Ты дышишь над коричневой чашкой,
День нынешний — как будто бы вчерашний.
А вьюговей январский за окном
С березами танцует по проселкам,
Все норовит прижаться к пышным елкам
И, заметавшись между старых груш,
Намается, да и уснет к утру.

...Намаявшись, уснешь и ты к утру.
Как ни крути, а новый день — к добру:
Жердёлы закипают белым цветом,
И голуби опять бубнят об этом.
Еще про то, что майский день хорош
Уйти сейчас. Потом вернуться снова
Осокою, январским ветром, словом
Прозрачным, как зеленая вода.
И ты согласно улыбнешься: «Да...».

* * *

...А примета, выходит, верная...
Продолжение к утру ясней —
Вяжут тучи тугими вервами*
К небу темную сушь полей,

Утекает тропинка серая.
Чешет пястью затылок тать** —
Старорусской надежной мерою
В помощь путнику чья-то мать.

И, закинув котомку за плечи,
Покрестив суеверно рот,
Зашагает, отбывший давеча
Свой десятый острожий год.

На пригорок дорогой склизкою
Через узкий гнилой мосток.
Вдруг затянет тоску сибирскую
Изможденный седой ходок.

Запоеет в унисон с раскатами
О страданиях без кута***,
Про судьбину свою треклятую,
Где до пекла — одна черта.

* Вервы — веревки.
** Тать — вор.
*** Кут — родной кров.

Непосильной согбенный ношею,
Старожилец сидельных мест,
Отпоет он навеки прошлое,
В грязевую бросая месь.

И в груди что-то вдруг замечется,
Подопрет под худой кадык.
Закричит, Колымою меченный,
Отмолчавший свое старик.

Отболеет заря тщедушная.
И, свободно от черных хмар****,
То ли множится солнце лужами,
То ли поздний горит стожар*****.

* * *

...Я все равно уеду в Монтеррей —
Из сирых зим в живительное лето.
Отстукивать ладошкой хорей
И чистить яйца в старую газету.

Пусть проводник с хроническим «амбре»,
Пусть тишину на части рвут соседи,
Титан, что старец чинный в серебре,
Покою мне горячего нацедит.

И я ко всем терпима и светла,
Дорожные просеиваю байки.
Помчится жизнь чужая у стекла:
Кресты, церквушки, домики, сарайки,

Веселые зеленые сады —
То вырастут, то словно бы усохнут.
И звезды самой первой чистоты
В открытые заглядывают окна.

Конечно, транспорт выбран сгоряча —
Всего вернее было б самолетом.
И вот уже закат внизу зачах,
И рядышком посапывает кто-то.

Меня двукрылый тоже укачал,
Сквозь облако проскальзывая ловко,
Чтоб больше не рыдала по ночам
Уставшая несчастная Дюймовка.

**** Хмары — тучи.

***** Стожар — старинное русское название звездного скопления Плеяд.

И чтоб уже не помнить поутру
Цифирей, завязавшихся узлами.
Неси, неси меня крылатый друг,
Неси скорей к моей любимой маме!

Она, конечно, там. Уже давно.
Печет мне сны про жизнь и про другое.
Я в Монтеррей уеду все равно,
Ведь слово-то красивое какое...

* * *

«...А водицы лучше бы по кромку —
Юшка вполовину выйдет в пар».
Красноперок, управляясь ловко,
Чистил краснощекий рыбовар.

В котелок бросал широкой пястью
Жменю соли, тайный корешок,
Принимал из стопочки: «За снасти!
За удачу!», — добавлял еще.

Провисало небо черным брюхом,
Разливался над рекою гром —
Было рыбаю тепло и сухо
Под надежным лодочным горбом.

Разомлел в негданном уюте,
И тогда привиделось ему:
Разольется над Расеей смута —
«Ахнет», как ведется, на Дону.

На иконах лики станут строже,
И застонут враз колокола.
Аль он встать за Родину не сможет?
Даром, что тринадцать мал мала...

Казака война закрутит крепко,
Да на третий выплюнет годок —
Не отсохнет родовая ветка,
Но замрет тринадцатый росток.

За мальцом жена погаснет тихо,
Словно б подгадает — на Покров.
Вот тогда хлебнет казаче лиха:
Во дому двенадцать сирых ртов.

Да живуче, знать, казачье семя —
Прорастет сквозь лютые года...
Что же бьется, что стучится в темя? —
По хребту дощатому вода...

Надо ж примерещиться такому!
Грудь казак покрестит не спеша,
Да, собрав улов, пойдет до дому.
Лишь заплачет птица в камышах...

* * *

Ей видится — горит свеча,
И повитуха триедина.
Рожден младенец в точный час,
Но перетянут пуповиной.

Торопко ловкая рука
Ослобонит его для вдоха.
И жизнь прозрачна и тонка,
Но нерушима — плачет кроха.

Зашепчет бабка: «Черный сглаз,
Перебирайся на коняшку».
Побелен дом и светлоглаз,
Но дымоход вздыхает тяжко.

Череву больно и легко
С новородившимся отдельно.
Набрякнут груди молоком
Под домотканую нательной.

И жарница* в далекий след
Не торопясь печет дремоту.
Хозяина все так и нет —
Не возвращается с охоты.

Завьюжит в дань календарю.
И за далекими дворами
Волчиха в кровь порвет зарю
Над перебитыми волчками.

* Жарница — печь.

* * *

Март к исходу. К утру завьюжит —
Бокогрею* в далекий след.
Расшумятся в подклете клуши,
Дед вздохнет, побредет в подклет.

От щедрот переполнит миску —
Неразумны, а ждут, поди.
Подвернется нога на склизком —
Дед побьется, твою ети...

Вдруг заблазнится** ли, приснится:
Через стены течет туман,
В одночасье тугие вицы
С тихим хрустом пробьют саман.

Золотыми пойдут цветами,
Зазвенят, как в далеких снах.
И в каморе глухой настанет
Недовыжитая весна.

Свет прольется на банки с салом,
На вязанки сухих рыбцов,
Выйдет женщина в платье алом,
Обратит к старику лицо.

Просветлеет болезный ликом
И промолвит без слов тогда:
«Без тебя, Евдокия, лихо!
Без тебя мне совсем беда.

* Бокогрей — февраль.

** Заблазнится — померещится.

Досить жить никакого проку,
Коли вышил свою бадью...».

Постучится в окно сорока
Старикову будить семью.

Намешает невестка тюри,
Да обронит все со стола.
Краснощекий дитенок в люле
Между десен катает «А»...

Старинная история

Сытая темень неспешно ползет на рассвет,
Густо увешаны стены изношенным прошлым,
Вязнет уставшая муха в крахмальной прошве,
Хоть и моложе салфетки на тысячи лет.

Крылышки ветхие — краток отмеренный век,
Что-то рисует на белом измученным тельцем.
Цокает маятник через прикрытую дверцу,
Бдит домовница, за ночь не сомкнувшая век.

«...Нынешний барин и вовсе не ровня отцу.
Тот был — красавец, да норову больно крутого.
Помню, невеста боялась промолвить и слово
В час, когда шла с ним на Красную горку к венцу.

Белое кружево да золотое шитье,
В вырезе низком слезою сверкала подвеска —
Бабка-помещица приберегла для невестки,
То-то на диво разинуло рты мужичье.

Чин-чинарем отгуляли. Да, знать, не к добру
Черными брюхами тучи мели над усадьбой —
Горькою редькою стала медовая свадьба.
Уж лютовал-то хозяин в мужицкой к утру!

Шумно крушил, что легло под пудовый кулак,
Разворошил диким криком родные хоромы,
Об пол ударил кривого лакея — Ярему,
Да обихаживал плеткой и этак, и так.

Знать, поделом! Коль охоч до чужого добра,
Только тебе и глотать, что кровавую юшку.
Сжалился барин — в солдаты отдал за понюшку.
Да не вернулся Ярема со службы обрат.

Долго шептались дворовые: мол, оговор.
Что загубили зазря неповинную душу —
Барин не смог драгоценность свою обнаружить,
Как ни был луплен жестоко бессовестный вор...».

Тщетно стараясь тепла накопить про запас,
Зябнет старуха к утру под тряпичною грудой.
Только и греет в мешочке под тощею грудью,
Спрятан до лучших времен, ограненный алмаз...

* * *

Фляга подарит прижальные полста,
К дому дотянет вымученная верста,
В низкие тучи взметнется пугливый сад,
Тихо застонут ступени. Светлеет, свят

Угол, когда-то намоленный за тебя, —
Шрамы иконные, выцветшие, горят.
Жгут сквозь рубаху и глубже грудины. Вдруг
Сердце рванется из реберных тесных дуг,

Чтобы больнее тебя изнутри толкать.
Небо прольется сквозь щели из потолка,
И во спасенье обнимет водой большой —
Станет покойно и тихо, и хорошо,

Что отболеют любви к чужим краям,
Острые пики и днища помойных ям,
Весны и осени, годы и города,
Что ты, конечно, когда-то придешь сюда...

Содержание

Цикл Я ПРИСНЮСЬ ТЕБЕ 7

«Переиграем. Сбросим...» 8

«Гулко дверь захлопнулась в прихожей...» 9

«А теперь-то, наверное, жизнь поглаже...» 10

«Ночь отпустит — устала...» 11

«Тамара Омаровна, Карловы Вары...» 12

«Я плела из салфеток кружево...» 13

«Снова год завершил свой безжалостный круг...» 14

Ева 15

«Отныне жизнь ее проста...» 16

«Из города далекого на Волге...» 17

«Наверно, где-то есть тепло и море...» 18

«На Второй Краснодарской идут бои...» 19

Цикл НА ВЕТРУ ЗНАМЕНА ЗАПОЛОЩУТСЯ 21

«Расставанье белоснежным вышито...» 22

Тане Савичевой 24

Не забудь меня! 26

«Все кончилось. Закончилась война...» 28

«Он умер. И только большая трава...» 29

«Он полз ужом. Он страх цедил из луж...» 30

Родина 31

Журавлиное 32

«На серый креп измученного неба...» 33

Родион 34

«Иссякли реки, высохли колодцы...» 36

Цикл ВЕТХИЙ ДЕНЬ 39

«Первоцветень к исходу. Четверг на полдня растрочен...» 40

«Весна. Скамейка. Незнакомый двор...» 41

«Ну, а если вот так: к нам нагрянет сегодня весна...» 43

О чем мечтают дети 44

«...А через строчку точно будет так...» 46

Прабабушке 48

Именины 49

«Раскроен день, и выкройки просты...» 50

Елене Мухиной, абсолютной чемпионке мира по гимнастике	51
«...И ночь прозрачная светла...»	53
Кормилица	55
Лабораторное	57
Марине Цветаевой	58
«...Процарапывал небо — смотрел на нее сквозь звезды...»	59
Цикл КРАЕВЕДЕНИЕ	61
«Вьюговей — не прокричать...»	62
Голубица	63
«Ты думаешь: «Зеленая река...»	65
«...А примета, выходит, верная...»	67
«...Я все равно уеду в Монтеррей...»	69
«...А водицы лучше бы по кромку...»	71
«Ей видится — горит свеча...»	73
«Март к исходу. К утру завьюжит...»	74
Старинная история	76
«Фляга подарит прижа́ленные полста...»	78

Ирина Коротеева
НА СОРОК СЕДЬМОЙ
ШИРОТЕ

Сборник стихотворений

Иллюстрация на обложке Алехандра Кабальеро
Художественный редактор Кристиан Колев
Корректор Юлия Халфина
Компьютерная верстка Жанна Кошечко

Тираж 100 экз.

